

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-3-17>

УДК 340

Attribution

cc by

КОРЫСТЬ В СОДЕРЖАНИИ МОТИВАЦИОННЫХ ПРИЗНАКОВ СУБЪЕКТИВНОЙ
СТОРОНЫ НЕПРАВОМЕРНОГО ОБОРОТА СРЕДСТВ ПЛАТЕЖЕЙ

Сериков Р.В.

Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России

Аннотация. В статье исследуются теоретические и юридико-технические аспекты закрепления корыстной направленности в специальных составах неправомерного оборота средств платежей, предусмотренных чч. 3–5 ст. 187 УК РФ. Проводится разграничение категорий «корыстная цель», «корыстные побуждения» и «корыстная заинтересованность» в содержании признаков субъективной стороны состава преступления. Обосновывается необходимость уточнения понятийного аппарата и рассматривается вопрос о целесообразности учета иной личной заинтересованности в конструкции специальных составов. Делается вывод о том, что корректное юридико-техническое закрепление мотивационных признаков является важным условием обеспечения единообразия квалификации и повышения эффективности уголовно-правовой охраны платёжных отношений в условиях цифровизации финансовой сферы.

Ключевые слова: неправомерный оборот средств платежей, электронное средство платежа, субъективная сторона преступления, корыстная заинтересованность, корыстная цель, мотив преступления.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

SELF-INTEREST IN THE CONTENT OF MOTIVATIONAL SIGNS OF THE SUBJECTIVE SIDE
OF THE ILLEGAL TURNOVER OF FUNDS OF PAYMENTS

Roman V. Serikov

Stavropol branch of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract. The article examines the theoretical and legal-technical aspects of the consolidation of a mercenary orientation in special structures of the illegal turnover of means of payments provided for in paragraphs 3-5 of art. 187 of the Criminal Code of the Russian Federation. A distinction is made between the categories of "selfish purpose", "selfish motives" and "selfish interest" in the content of the signs of the subjective side of the crime. The necessity of clarifying the conceptual framework is substantiated and the question of the expediency of taking into account other personal interests in the design of special trains is considered. It is concluded that the correct legal and technical consolidation of motivational features is an important condition for ensuring uniformity of qualifications and increasing the effectiveness of criminal law protection of payment relations in the context of digitalization of the financial sector.

Keywords: illegal turnover of means of payment, electronic means of payment, subjective side of the crime, selfish interest; selfish purpose, motive of the crime.

Funding: Independent work.

Введение.

Развитие цифровых финансовых технологий и расширение сферы использования электронных средств платежа обусловили существенную трансформацию уголовно-правового регулирования преступлений в платёжной сфере.

В результате внесённых в статью 187 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) изменений, законодатель сформировал систему специальных составов, закрепив их в частях 3–6 данной статьи [1].

Социально-правовая обусловленность данной инициативы заключалась в необходимости адекватного уголовно-правового реагирования на качественно новые формы противоправного использования электронных средств платежа, прежде всего в формате дропперских схем.

Нормативно-правовое закрепление специальных составов в чч. 3–5 ст. 187 УК РФ предопределило

придание особого значения мотивационным характеристикам поведения виновного. В отличие от основного состава, где ключевое значение имеет предмет посягательства, в специальных составах законодатель акцентирует внимание на внутренней направленности умысла, закрепляя в качестве обязательного признака субъективной стороны корыстную заинтересованность.

Категория «корысть» в уголовном законодательстве используется в двух функционально самостоятельных значениях: как мотив преступления, характеризующий внутреннее побуждение субъекта к извлечению имущественной выгоды, и, как цель преступления, отражающая направленность умысла на достижение конкретного материального результата.

Отсутствие унифицированных подходов к оценке мотивационных признаков субъективной стороны осложняет разграничение преступлений по направленности умысла, особенно в тех случаях, когда

мотив либо цель выступают конструктивными элементами состава.

В этих условиях анализ содержания и соотношения корыстных признаков приобретает особую значимость применительно к специальным составам неправомерного оборота средств платежей. Специфика преступлений, предусмотренных чч. 3–5 ст. 187 УК РФ, обуславливает необходимость теоретического уточнения границ понятий «корыстная цель» и «корыстная заинтересованность», а также выработки обоснованных критериев их использования в целях нормативно-правовой определенности квалификации соответствующих деяний.

Обсуждение.

Категория корысти в уголовном праве характеризуется методологической неоднородностью: при её широком использовании в нормах Особенной части УК РФ законодатель не закрепляет её легального определения. Отсутствие нормативной дефиниции осложняет процесс доказывания субъективной стороны и квалификации преступлений корыстной направленности, поскольку правоприменитель вынужден восполнять содержательный пробел посредством обращения к доктринальным источникам и общекультурным представлениям о корысти как социальном явлении.

Формирование представлений о корысти в русской правовой и культурной традиции во многом связано с лексикографическим и философским осмыслением данного феномена.

Так, В.И. Даль определял корысть как «страсть к приобретению, жадность к деньгам и богатству, любостяжание, падкость на барыш, выгоду, наживу» [2, с. 784], тем самым подчёркивая, присущую ей устойчивую внутреннюю установку личности, ориентированную на материальное превосходство и овладение благами независимо от нравственных или правовых ограничений.

В данном определении корысть предстает не ситуативным побуждением, а устойчивым психологическим состоянием, способным определять направленность поведения.

Развивая данную мысль, К.В. Вишневецкий указывает на то, что корысть относится к числу наиболее распространённых и интенсивных побудительных факторов человеческой активности. По степени влияния на поведение личности она занимает одно из ведущих мест среди мотивационных детерминант, уступая лишь базовым инстинктам самосохранения и воспроизводства [3, с. 91].

Такое понимание подчёркивает её социально-психологическую значимость и объясняет её устойчивую связь с преступлениями имущественной и экономической направленности.

С учётом изложенного, в уголовно-правовом измерении корысть целесообразно рассматривать как внутреннее психическое состояние, выражающее мотивированное стремление субъекта к неправомерному извлечению имущественной выгоды для себя либо иных лиц.

Историко-культурные корни данной категории придают ей содержательную глубину, однако отсутствие нормативно закреплённой дефиниции обуславливает необходимость её дальнейшей теоретической конкретизации применительно к отдельным составам преступлений, в том числе связанным с неправомерным оборотом средств платежей.

В отечественной уголовно-правовой доктрине корысть традиционно трактуется как форма психического отношения лица к совершаемому деянию, отражающая направленность умысла на получение материального преимущества. В зависимости от законодательной конструкции, она может получать различное нормативное выражение - в виде корыстной цели, корыстных побуждений либо корыстной заинтересованности, что предопределяет различную степень её конкретизации и юридического значения в структуре состава преступления [4, с. 66].

Корыстная цель, в контексте общей теории состава преступления, представляет собой наиболее конкретизированное выражение волевого компонента умысла. Она предполагает осознанное и целенаправленное стремление субъекта к достижению определённого имущественного результата посредством совершения преступления. В данном случае, направленность умысла фокусируется на получении материальных благ, имущественных прав либо на освобождении от имущественных обязанностей, что придаёт поведению завершённый, телеологически определённый характер.

В отличие от этого, корыстные побуждения отражают более широкую мотивационную основу преступного поведения. Они характеризуют внутренние стимулы, обусловившие принятие решения о совершении противоправного деяния, и могут выражаться в стремлении к опосредованной выгоде, сохранению либо укреплению имущественного положения, предотвращению материальных потерь или созданию предпосылок для будущего обогащения.

Корыстные побуждения не всегда предполагают достижение конкретного, заранее определённого результата; их содержание сводится к общей материально ориентированной направленности поведения.

Особое значение в системе преступлений экономической направленности, включая специальные составы неправомерного оборота средств платежей (чч. 3–5 ст. 187 УК РФ), приобретает категория «корыстная заинтересованность». Она выступает как обобщённая нормативная конструкция мотива, фиксирующая наличие у субъекта имущественного интереса, побуждающего к совершению противоправных действий. В отличие от корыстной цели, требующей установления волевого стремления к конкретному имущественному результату, корыстная заинтересованность ограничивается констатацией материальной обусловленности поведения и не требует доказывания достижения либо реальной возможности достижения определённого экономического эффекта.

Использование данной категории в законодательной конструкции чч. 3–5 ст. 187 УК РФ позволяет охватить широкий спектр форм противоправной активности в сфере цифровых платёжных отношений, где материальная выгода нередко носит опосредованный характер. Речь идёт, в частности, об участии в дропперских схемах, передаче платёжных реквизитов третьим лицам, предоставлении доступа к электронным средствам платежа, оформленным на собственное имя, а также о получении вознаграждения за содействие в осуществлении незаконных финансовых операций. В подобных ситуациях имущественный интерес выступает детерминантой поведения, однако, его реализация может быть косвенной, распределённой во времени либо выраженной в форме вознаграждения за участие в инфраструктурном обеспечении противоправной деятельности.

В уголовно-правовой доктрине корыстная заинтересованность традиционно раскрывается как стремление лица к получению имущественной выгоды для себя либо иных лиц, не сводимое к незаконному безвозмездному обращению имущества в собственность виновного. Речь может идти, в частности, о незаконном получении льгот и преимуществ, доступе к кредитным ресурсам, освобождении от имущественных обязательств, снижении расходов или ином экономическом выигрыше [5, с. 180]. В схожем ключе она определяется и как извлечение имущественной выгоды либо избавление от материальных затрат для себя или близких лиц [6, с. 364].

Применительно к составу, предусмотренному ст. 187 УК РФ, корыстная заинтересованность выступает универсальным мотивационным признаком субъективной стороны, подчёркивающим осознанную направленность поведения на достижение имущественного преимущества либо экономии материальных ресурсов при совершении противоправных действий с электронными средствами платежа. Её содержание не ограничивается целью непосредственного завладения денежными средствами, а охватывает более широкий спектр материально обусловленных интересов, лежащих в основе противоправного поведения.

Системный анализ нормативного и судебного толкования позволяет утверждать, что категории «корыстная цель», «корыстные побуждения» и «корыстная заинтересованность» образуют внутренне согласованную конструкцию признаков субъективной стороны, отражающую различные уровни психической детерминации деяния - от конкретизированного волевого стремления к имущественному результату до общей материальной мотивации.

Использование законодателем в чч. 3–5 ст. 187 УК РФ именно термина «корыстная заинтересованность» следует рассматривать как осознанный приём юридической техники, направленный на охват широкого круга ситуаций, при которых материальный интерес присутствует, но не требует доказывания конкретного имущественного результата.

В то же время, при формировании мотивационных признаков в иных составах преступлений законодатель прибегает к категории «иная личная заинтересованность», предназначенной для обозначения нематериальных либо опосредованных стимулов противоправного поведения. Сопоставление данных конструкций позволяет выявить проблему соотношения материальной и нематериальной мотивации в уголовно-правовой оценке деяний, что имеет принципиальное значение для корректного конструирования и применения специальных составов противоправного оборота средств платежей.

В уголовно-правовой науке категория «иная личная заинтересованность» традиционно трактуется как совокупность побуждений, не имеющих непосредственного имущественного содержания, но способных детерминировать противоправное поведение субъекта.

К числу таких мотивов относят:

- стремление к служебному или карьерному продвижению;
- укреплению деловой репутации;
- удовлетворению личных амбиций;
- проявлению лояльности руководству;
- поддержанию неформальных связей в профессиональной среде [7, с. 30].

Указанные побуждения могут сочетаться с корыстными, однако, они не сводятся к ним и не образуют их содержательного ядра.

В этой связи, вопрос о целесообразности закрепления в диспозиции чч. 3–5 ст. 187 УК РФ наряду с корыстной заинтересованностью дополнительного мотивационного признака - «иной личной заинтересованности» - приобретает принципиальное значение для уточнения субъективных характеристик рассматриваемых составов. Действующая редакция нормы, оперирующая категорией корыстной заинтересованности, в целом адекватно отражает экономико-правовую природу преступлений, связанных с обращением электронных средств платежа, и ориентирована на пресечение материально мотивированного участия в противоправных операциях.

Вместе с тем, анализ судебной практики по делам экономической направленности свидетельствует о том, что реальная мотивация виновных нередко выходит за пределы прямого имущественного интереса. Так, в п. 12 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 разъяснено, что «иная личная заинтересованность» может выражаться в стремлении к служебным, карьерным или репутационным преимуществам, желании оказать услугу, удовлетворить личные амбиции либо продемонстрировать корпоративную лояльность [8].

Признание такого подхода придаёт рассматриваемой категории универсальный характер и позволяет учитывать широкий спектр нематериальных побуждений, способных оказывать влияние на квалификацию преступного поведения.

Для преступлений, связанных с противоправным оборотом средств платежа, типичными являются

ситуации, при которых деяния, формально подпадающие под признаки чч. 3–5 ст. 187 УК РФ, совершаются без стремления к непосредственному получению имущественной выгоды. Так, работники финансовых организаций могут передавать корпоративные платёжные инструменты по распоряжению руководства; участники «дропперских» схем – предоставлять доступ к электронным средствам платежа по просьбе знакомых либо в интересах организованной группы, не получая прямого вознаграждения, но рассчитывая на карьерное покровительство, неформальные преимущества либо иные формы поддержки.

В подобных случаях, субъективная сторона характеризуется мотивацией нематериального характера, что позволяет говорить о наличии иной личной заинтересованности, функционально близкой к корыстной направленности, но не тождественной ей.

Результаты.

Проведённый теоретико-догматический анализ категории корысти в контексте субъективной стороны неправомерного оборота средств платежей позволил сформулировать ряд концептуально значимых выводов, имеющих как теоретическое, так и прикладное значение.

Во-первых, установлено, что отсутствие легального определения корысти в уголовном законодательстве Российской Федерации предопределяет её вариативное толкование в доктрине и правоприменительной практике

Законодатель, активно используя мотивационные конструкции («корыстная цель», «корыстные побуждения», «корыстная заинтересованность»), не закрепляет их нормативного содержания, что приводит к неоднородности подходов к доказыванию субъективной стороны.

В результате, категория корысти приобретает оценочный характер, что расширяет границы субъективного усмотрения правоприменителем.

Во-вторых, разграничение форм мотивационного выражения корысти позволило выявить их иерархическую структуру.

«Корыстная цель» представляет собой наиболее конкретизированный уровень психической детерминации – она предполагает направленность умысла на достижение определённого имущественного результата.

«Корыстные побуждения» характеризуют более широкую мотивационную основу поведения, не всегда связанную с чётко определённым экономическим итогом.

«Корыстная заинтересованность», используемая в чч. 3–5 ст. 187 УК РФ, выступает обобщённой нормативной категорией, закрепляющей материально обусловленную направленность поведения, не требующую установления общественно-опасного последствия.

В-третьих, сопоставление категории «корыстная заинтересованность» с понятием «иная личная за-

интересованность» выявляет принципиальные различия в доктринальных и правоприменительных подходах к оценке нематериальной мотивации.

Судебная практика допускает признание иной личной заинтересованности при наличии карьерных, служебных, репутационных либо корпоративных мотивов.

Между тем, в составе неправомерного оборота средств платежей законодатель ограничился указанием на корыстную заинтересованность, тем самым связывая уголовную ответственность исключительно с материально обусловленной направленностью поведения.

В сфере цифровых платёжных отношений нередки случаи передачи электронных средств платежа или содействия неправомерным операциям без непосредственного имущественного вознаграждения, по мотивам служебной лояльности, сохранения статуса либо укрепления профессиональных связей. При буквальном толковании нормы, такие деяния могут оказаться вне пределов уголовно-правовой оценки при отсутствии корыстной заинтересованности, что свидетельствует о необходимости уточнения мотивационных критериев субъективной стороны рассматриваемого состава.

Проведённое исследование позволило установить, что категория «корысть» в составе неправомерного оборота средств платежей выполняет системообразующую функцию в характеристике субъективной стороны преступления.

Несмотря на отсутствие легальной дефиниции, корысть остаётся ключевым мотивационным ориентиром в конструкциях экономических преступлений, определяя направленность умысла на получение имущественного преимущества либо извлечение иного экономического эффекта.

Анализ нормативных форм выражения корысти показал, что «корыстная цель», «корыстные побуждения» и «корыстная заинтересованность» отражают различные уровни психической детерминации противоправного поведения.

Использование законодателем в чч. 3–5 ст. 187 УК РФ именно категории «корыстная заинтересованность» свидетельствует о стремлении охватить широкий спектр форм материально обусловленного участия в неправомерных операциях с электронными средствами платежа, не ограничиваясь доказыванием конкретного имущественного результата.

В условиях цифровой экономики материальная выгода приобретает опосредованный и распределённый характер, что обуславливает расширительное понимание корыстной заинтересованности как мотивационного признака. Она охватывает не только прямое извлечение дохода, но и участие в инфраструктурном обеспечении противоправных финансовых схем, получение вознаграждения в перспективе, экономию материальных ресурсов либо иные формы экономического выигрыша.

Вместе с тем, сопоставление корыстной заинтересованности с категорией «иная личная заинтересованность» выявило существование нормативного дисбаланса: действующая редакция ст. 187 УК РФ связывает уголовную ответственность исключительно с материальной мотивацией, оставляя вне правовой оценки деяния, совершённые по нематериальным побуждениям. Это обстоятельство указывает на необходимость дальнейшего теоретического осмысления мотивационных признаков субъективной стороны специальных экономических составов.

Таким образом, корыстная заинтересованность в структуре неправомерного оборота средств платежей выступает универсальным критерием экономической направленности преступного поведения, обеспечивающим дифференциацию уголовной ответственности в сфере цифровых финансовых отношений.

Дальнейшая разработка данной категории требует межотраслевого и функционального подхода, учитывающего трансформацию экономических процессов и специфику современных платёжных технологий.

Заключение.

Проведённое исследование позволило установить, что категория «корысть» в составе неправомерного оборота средств платежей выполняет системообразующую функцию в характеристике субъективной стороны преступления.

Несмотря на отсутствие легальной дефиниции, корысть остаётся ключевым мотивационным ориентиром в конструкциях экономических преступлений, определяя направленность умысла на получение имущественного преимущества либо извлечение иного экономического эффекта.

Анализ нормативных форм выражения корысти показал, что категории «корыстная цель», «корыстные побуждения» и «корыстная заинтересованность» отражают различные уровни психической детерминации противоправного поведения.

Использование законодателем в чч. 3–5 ст. 187 УК РФ именно категории «корыстная заинтересованность» свидетельствует о стремлении охватить широкий спектр форм материально обусловленного участия в неправомерных операциях с электронными средствами платежа, не ограничиваясь доказыванием конкретного имущественного результата.

В условиях цифровой экономики материальная выгода приобретает опосредованный и распределённый характер, что обуславливает расширительное понимание корыстной заинтересованности как мотивационного признака. Она охватывает не только прямое извлечение дохода, но и участие в инфраструктурном обеспечении противоправных финансовых схем, получение вознаграждения в перспективе, экономии материальных ресурсов либо иные формы экономического выигрыша.

Вместе с тем, сопоставление корыстной заинтересованности с категорией иной личной заинтересованности выявило существование нормативного дисбаланса: действующая редакция ст. 187 УК РФ связывает уголовную ответственность исключительно с материальной мотивацией, оставляя вне правовой оценки деяния, совершённые по нематериальным побуждениям. Это обстоятельство указывает на необходимость дальнейшего теоретического осмысления мотивационных признаков субъективной стороны специальных экономических составов.

Таким образом, корыстная заинтересованность в структуре неправомерного оборота средств платежей выступает универсальным критерием экономической направленности преступного поведения, обеспечивающим дифференциацию уголовной ответственности в сфере цифровых финансовых отношений. Дальнейшая разработка данной категории требует межотраслевого и функционального подхода, учитывающего трансформацию экономических процессов и специфику современных платёжных технологий.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Список источников:

1. О внесении изменений в статью 187 Уголовного кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 24.06.2025 № 176-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 30 июня 2025 г. № 26 (часть I).
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Цитадель, 1998. 2030 с.
3. Вишневецкий К.В. Виктимологическое моделирование корыстной преступности // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2019. Т. 5(71), № 2. С. 89-98. EDN: TRJYEO
4. Ильин И.Ю. Корысть как квалифицирующий признак преступлений в сфере предпринимательской деятельности // Юридические исследования. 2024. №3. С. 62-74. DOI: 10.25136/2409-7136.2024.3.69721 EDN: DFVUUJ
5. Актуальные проблемы уголовного права. Часть Особенная: учебник / Л.В. Иногамова-Хегай, Э.Н. Жевлаков, А.Г. Кибальник [и др.]; под ред. д-ра юрид. наук, проф. Л.В. Иногамовой-Хегай. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 2022. 229 с. DOI: 10.31085/9785392305865-2019-224 ISBN: 978-5-392-37241-6 EDN: FHQSAD
6. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: (постатейный): [в 2 т.]; под ред. А.В. Бриллиантова; Российская акад. правосудия. Т. 1. М.: Проспект, 2015, 792 с.
7. Романова В.В. Иная личная заинтересованность как мотив совершения преступления // КриминалистЪ. 2016. №1 (18). С. 26-30. EDN: TUFXXM

8. О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 (ред. от 11 июня 2020 г.) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации, декабрь 2009 г., № 12.

References:

1. On Amendments to Article 187 of the Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law No. 176-FZ dated 06/24/2025 // Collection of Legislation of the Russian Federation No. 26 dated June 30, 2025 (Part I).
2. Dahl V.I. Explanatory dictionary of the living Great Russian language: In 4 volumes. Moscow: Citadel, 1998. 2030 p.
3. Vishnevetsky K.V. Victimological modeling of mercenary crime // Scientific notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal sciences. 2019. Vol. 5(71), No. 2. pp. 89-98. EDN: TRJYEO
4. Ilyin I.Y. Greed as a qualifying sign of crimes in the sphere of entrepreneurial activity // Legal research. 2024. No. 3. pp. 62-74. DOI: 10.25136/2409-7136.2024.3.69721 EDN: DFVUUJ
5. Actual problems of criminal law. The special part: textbook / L.V. Inogamova-Hegai, E.N. Zhevnikov, A.G. Kibalnik [et al.]; edited by Dr. Yurid. L.V. Inogamova-Hegai, 2nd Ed., revised and additional M., 2022. 229 p. DOI: 10.31085/9785392305865-2019-224 ISBN: 978-5-392-37241-6 EDN: FHQSAD
6. Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation: (article-by-article): [in 2 volumes]; edited by A.V. Brilliantov; Russian Academy of Sciences. Justice. Vol. 1. Moscow: Prospekt Publ., 2015, 792 p.
7. Romanova V.V. Another personal interest as a motive for committing a crime // Criminalist. 2016. No. 1 (18). pp. 26-30. EDN: TUFXFM
8. On judicial practice in cases of abuse of office and Abuse of office: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated October 16, 2009 No. 19 (as amended on June 11, 2020) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation, December 2009, No. 12.

Информация об авторе:

Сериков Роман Владимирович, преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России, ID-ORCID 0009-0006-1948-852X, e-mail: serikov_roman@mail.ru
Roman V. Serikov, Lecturer at the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the Stavropol Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 19.02.2026;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 05.03.2026;
Принята к публикации / Accepted for publication 20.03.2026.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.